

Проф. М. Е. Сергеенко

ВИЛИК

В рабовладельческой усадьбе древней Италии главным лицом, по существу, был вилик¹. Хозяин, как правило, не жил в своей вилле, а только наезжал туда, и чем реже бывали его посещения, чем меньше сам он понимал в хозяйстве (случай, если верить Колумелле, для его современников обычный), тем большее значение приобретал вилик, заместитель хозяина и его правая рука. Даже и в те времена, когда сельское хозяйство считалось делом важнейшим и когда владелец имения был, как правило, сведущим и опытным хозяином, вилик оставался тем организующим и приводящим в действие всю хозяйственную машину началом, при отсутствии которого все останавливалось и разваливалось. Регул обосновывал перед сенатом свою просьбу о разрешении ему (главнокомандующему во время военных действий!) вернуться из Африки тем, что его вилик сбежал². Понятно, что такой человек, как Катон, понимавший толк в хозяйстве и его организации, с особенным вниманием остановился на фигуре вилика и из всех работников сельского хозяйства только ему посвятил обстоятельную и обдуманную характеристику.

Кто-то сказал, что девизы на старых фамильных гербах сплошь и рядом выражают мечту выбравшего их о тех качествах, которые ему наиболее желательны и которые как раз у него отсутствуют. Вилик, которого изображает Катон, — это создание хозяйской мечты, некое идеальное существо, которое хозяин хотел бы иметь у себя виликом. Будет ли ошибкой думать, что каждый штрих в этом образе, который накладывает рука опытного и проницательного человека, подсказан вздохом безнадежного сожаления о том, что в действительности не существует и не может существовать того идеального вилика, который рисуется умственным очам размечтавшегося хозяина? Не случайно, что почти вся характеристика вилика у Катона выдержана в отрицательных предписаниях: вилик не должен быть тем-то, не должен делать того-то: очевидно, настоящий, не вымышленный вилик и вел себя иначе и проявлял такие качества, которые делали его весьма далеким от его идеального облика. Попробуем же представить себе, каким обычно был и как вел себя подлинный, реально существовавший вилик.

¹ Название «вилик» носили разные лица. Виликом именовался управляющий недвижимым имуществом в городе (J u v e n., 3, 195; M a r t., 12, 32, 23); в разных административных учреждениях были свои вилики: был «водяной вилик», надзиравший за распределением воды из общественных водопроводов; был vilicus a plumbo, смотревший за изготовлением водопроводных труб, и т. д. В настоящей работе речь идет только о вилике — управляющем деревенского поместья.

² V a l. M a x., IV, 4, 6; у P l i n., NH, XXVIII, 39, не сбежал, а умер.

Наши главные источники: хозяева и писатели, занимавшиеся вопросами сельского хозяйства — Катон (*Agg.*, 5), Варрон (*RR*, I, 17) и Колумелла (I, 8 и XI, 1) позволяют нам довольно явственно разглядеть три облика виллика: виллик-тиран, виллик-гуляка и виллик-стяжатель. Остановимся несколько подробнее на каждом из этих типов.

Можно довольно ясно представить себе, каким образом вырабатывался тип виллика-тирана: предпосылки для его создания были заложены и в предыдущей его жизни, и в основных особенностях его природы. «Вчерашний раб», существо без голоса и без прав, игрушка хозяйских прихотей, унижавших и озлоблявших его, он вдруг получал почти хозяйские права над рядом таких же безгласных и бесправных существ, каким только что был сам. Немудрено, если он хмелел от сознания своей власти и начинал щедро угощать вверенную ему *familia* тем горьким вином рабского существования, которого сам в свое время хлебнул немало. В его обязанности входило поддерживать «добрый порядок» среди своих подчиненных (*Cato*, 3,1), и хозяин облакал его правом «как следует наказывать провинившегося» (*Cato*, 5,1—2). Виллик-тиран пользовался этим правом во весь размах своей жестокой и ожесточенной души. Катон ничуть не задумывался над тем, какими мерами этот «добрый порядок» (*disciplina bona*) будет поддержан, но уже Варрон предупреждал хозяев: «нельзя позволить распоряжаться преимущественно путем побоев, а не слов» (*RR*, I, 17,5). Колумелла писал в то время, когда хозяин-рабовладелец ясно увидел, что благоденствие и преуспеяние его хозяйства в значительной степени зависит от того, заинтересованы ли в этом люди, работающие на его земле, и расположены ли они к нему и к его заместителям. Колумелла удивительным образом сочетал в себе способность здравого учета действительности и трезвого наблюдения над ней с безудержным полетом воображения, которое подменяло ему действительность образами собственной фантазии. Его виллик представляет собой такой же далекий от действительности облик, как и виллик Катона, но — характерная черта — в этом облике действительно подчеркнуто, что виллик исполнен самой теплой заботы о рабах: «по примеру самого хорошего пастуха» печется он о здоровье и хорошем укладе жизни своих подопечных. «Виллик не должен быть жесток» (*ne crudeliter imperet* — I,8 10=XI, 1, 25). Это по существу лейтмотив данной характеристики. Мало даже не быть жестоким: «пусть виллик будет снисходителен и к плохим рабам»: он вообще должен вести себя так, чтобы его побаивались за строгость, а не ненавидели за жестокость (ук. место)¹.

Эти неоднократно уверения дают право думать, что «виллик-тиран» был явлением весьма частым. «Нет злее битой собаки», гласит старая латышская поговорка, и хозяевам приходилось обуздывать своих ставленников, дорвавшихся до возможности выместить на своих товарищах по рабству те унижения и побои, которые им самим довелось когда-то пережить.

Надо признать, что подобное упоение властью обходилось самому виллику довольно дорого. Дело было не только в том, что рабы, выведенные из терпения этим разгулом жестокости, конечно, давали порой сдачи зазнавшемуся начальству. Виллик-тиран своей жестокостью лишал себя ряда

¹ Чрезвычайно характерно, что *timeant* I книги заменено в XI, более поздней, словом *vegeantur*, которое переводит отношение рабов к виллику из области страха в область почтительного уважения к достойному руководителю. Характеристика виллика у Колумеллы чрезвычайно интересна дополнениями, которые сделаны в ней сравнительно с характеристикой у Катона: трудно представить себе материал, более красноречиво свидетельствующий о том, насколько мягче два с половиной века спустя стал рабовладелец по отношению к своим «говорящим орудиям».

возможностей, которыми широко пользовались его собратья: гуляка и стяжатель. Обиженные рабы держали своего мучителя в крепких тенегах незаметного и поэтому наиболее страшного соглядатайства. От этих многочисленных, обостренных ненавистью глаз, от этих всегда настороженных ушей нельзя было скрыть ни веселой попойки с приятелями, ни удачно обделанного в свою пользу дельца с подрядчиком или покупателем. И если хозяин был человеком осторожным, разумным и не полагался слепо на своего виллика, то умелый донос, подкрепленный словами ряда свидетелей, мог оказаться для виллика роковым. Живя в атмосфере ненависти, которая от его поведения разгоралась, как пламя на ветру, он должен был следить за каждым своим шагом и не позволять себе ничего, что шло бы в разрез с предписаниями и волей господина. Силой вщей жестокий виллик превращался в наиболее исполнительного и верного слугу своего хозяина. И если тем не менее разумные хозяева настойчиво запрещают виллику жестокосердствовать, то это непреложно свидетельствует о больших сдвигах в сознании рабовладельца, который вынужден признать, что система хозяйства, построенная на взаимной ненависти и взаимном шпионаже, добрых плодов не приносит. Колумелла заметил, что от самого опытного и сведущего виллика не будет никакой пользы, если у него нет расположения и благожелательности (*benevolentia*) к хозяину, что свирепость виллика губит хозяйство. Любопытно, что эти соображения в столь определенной форме высказаны им в одной из позднейших книг (XI, 1, 6—7).

Другим типом виллика, совершенно противоположным только что рассмотренному, был виллик «мягкий», который «распоряжался без достаточной строгости» (*remisse imperat* — Col., I, 8, 10) и попустительствовал рабам. Весьма возможно, что он как раз принадлежал к тем любимцам хозяина¹ и городским рабам, от назначения которых на должность виллика так предостерегал Колумелла (I, 8, 1—2): «Это ленивые сони, привыкшие бездельничать, играть в кости, слоняться по Марсову полю, цирку, по театрам, харчевням и непотребным домам. Они всегда мечтают об этих глупостях и переносят их с собой в деревню»². В новом положении он старается устроиться так, чтобы ему не пришлось особенно сокращаться о прежней жизни. Этот человек тоже упивался своей властью, но упоение это было совершенно иным. Потому ли, что его прежняя жизнь не успела ожесточить его; потому ли, что его натуре, добродушной и незлобивой, не нужно было крови и стонов, но только, очутившись заместителем хозяина, он отнюдь не обнаруживал ревностного желания наводить порядки и внушать трепет своим подчиненным, а живо учел те восхитительные возможности, которые новое положение ему открывало и поспешил ими воспользоваться. Вчера еще у него не было минуты, которая бы ему принадлежала, сегодня он оказывается полным хозяином своих дней и ночей; вчера он был попыхачем и слугой (*mediastinus* — Ног., Ерр., I, 14, 14), сегодня он мог требовать услуг себе; вчера несколько сестерций составляли все его имущество, сегодня в его распоряжении оказывалось целое имение совсеми его статьями: вино, хлеб, скотный двор, сад, птичник — он мог распоряжаться всем, а что в этих распоряжениях придется отдавать отчет, об этом можно было на сегодня и забыть. Философия одного из гостей Тримальхиона: «что съел и выпил, то только и твое» была ему кровно близка и понятна, как вообще всем людям, которым не часто доводилось в жизни видеть жирный и сладкий кусок. Хождение по гостям («виллик не должен шататься без дела», «пусть он никуда не ходит

¹ *Corpore placuerunt*; ср. *Plaut., Cas.*, 459—460.

² Ср. Горадиева виллика, равшегося обратно в Рим (Ерр., I, 14).

на обед» — Cato, 5, 2); добрая выпивка с друзьями и в одиночку («должен быть всегда трезв» — там же); увлекательная травля зверя, в которой принимали участие и многие рабы из имения («нельзя, чтобы у вилика была страсть к охоте или ловле птиц; он отвлечет много рук от работы на эти занятия» — Col., XI, 1, 24); хороший обед дома, приправленный лестью и шутками паразита («паразита пусть не держит» — Cato, 5, 4); сладкий и длительный сон («пусть первым встает и последним ложится» Cato, 5, 5) — вот из чего складывалась, в основном, жизнь этого «гуляки праздного», которого в его эпикуреизме поддерживало еще сознание относительной безнаказанности. Что было делать, если куры не неслись, а прекрасных гусей, совсем уже откормленных для господского стола, задрала лисица? Если годовалый поросенок внезапно издох от какой-то непонятной болезни? В человеческой ли власти было совладать со страшной бурей, которая сбила половину фруктов в саду и значительно уменьшила урожай в маслиннике? Изобретательному уму раба, поваторешшему во всякого рода увертках и обходах, не трудно было подобрать объяснения, против которых возражать было нечего. Что вилик любил улаживать себя дарами Цереры и Вакха, об этом можно заключить из слов Колумеллы, идеальный вилик которого обедает вместе с рабами, ест то же, что они, служит им примером воздержанности и только по праздничным дням позволяет себе возлечь за столом: в остальные он так же, как и вся familia, обедает сидя (XI, 1, 19).

Занятый организацией наиболее приятного для себя образа жизни, наш «гуляка» не налегал на подвластных ему людей, «распоряжался без строгости» (lenius — Col., XI, 1, 6) и мирволил рабам. Те, конечно, и на работе не убивались и охулки на руку не клали — и хозяйство неуклонно падало и разваливалось. Марциал упоминает вилика, «переварившего» (т. е. растратившего) хозяйское добро, в числе обычных человеческих бедствий (II, 11, 9). Упадок хозяйства был, однако, бедой не для одного хозяина: беда грозила и вилику, когда хозяин, явившись, наконец, в имение, требовал его к отчету.

У Катона есть восхитительная сценка (2, 1—2), разыгрывающаяся между строгим допросчиком-хозяином и виликом стили нашего гуляки. В ответ на требование хозяина объяснить, почему не выполнены такие-то и такие-то работы, он уверяет в своей ревности к хозяйству и приводит ряд причин, в силу которых он, при всем своем желании, не мог управиться с рядом дел: стояла плохая погода, рабы болели, кое-кто сбежал, от своих работ люди были отвлечены общественными повинностями и т. п. и т. д. «Когда он приведет эти причины, — пипет Катон, — и еще множество других, верни его к расчету уроков и дней». Этот диалог, свидетельствующий о том, сколько юмора было у сурового старика, был бы очень эффектен на сцене, и зрители могли бы вдоволь потешаться над завравшимся и запутавшимся в своей лжи плутом. В действительности дело сплошь и рядом оборачивалось по-иному: только человек стили ювеналовой матроны: sic volo sic iubeo или совершенный невежда в сельском хозяйстве мог отрицать вескость хотя бы некоторых причин, приведенных виликом. В дождливую погоду можно было, конечно, «наводить чистоту в усадьбе», но нельзя было работать ни в поле, ни в саду; тщетно было бы требовать работы от больного человека. Конечно, слишком частые и неурочные ливни и постоянные болезни рабов должны были наконец показаться подозрительными, и выведенный из себя хозяин прогонял вилика с его теплого места, но легкомысленный гуляка утешался, видимо, сознанием кратковременности всего сущего: «хоть час, да мой».

Третьим типом вилика был вилик-стяжатель. Для этого человека веселой гулянки с приятелями, сытной еды и доброй выпивки было слиш-

ком мало: он хотел от жизни большего. Вилик-стяжатель принадлежал к рабам того закала, который давал таких людей, как помпейский банкир Цецилий Секунд или римский хлебщик Эврисак. Они стояли наверху той лестницы, на нижнюю ступеньку которой ставил ногу наш раб, становясь виликом: трудно, действительно, найти среди рабских должностей такую, которая бы давала ловкому предприимчивому и пронырливому человеку больше возможностей обогатиться. Среди них были вполне законные. Вилик мог гораздо скорее составить себе пекулий, чем остальные рабы: у Плавта Лисидам, настаивая на том, чтобы Казина вышла замуж за его вилика, а не за городского раба, Халина, противопоставляет их материальное положение: «У негодного раба, подлого оруженосца, нет на сегодня гроша собственного (*rescili pumtus non est plumbeus*), а у Олимпциона (вилика) жена будет вполне обеспечена дровами, едой и одеждой» (*Cas.*, 254—256); у Горация контрастом к скромному дневному пайку городского раба является «пользование дровами, скотом и огородом», которое по праву предоставлено вилику (*Err.*, I, 14, 41—42). Вилик мог значительно пополнить свой пекулий, расчетливо используя эти законные статьи дохода. Еще больше могли дать ему статьи незаконные. Катон сам перечислил некоторые из них: «пусть вилик ничего не покупает без ведома хозяина» (1,4); «вилик не должен вкладывать хозяйские деньги в скот или другие покупки», — вторит старому цензору два века спустя Колумелла: — такие занятия отвлекают вилика и делают его скорее торговцем (*negotiator*), чем земледельцем» (I, 8, 13=XI, 1, 24). Торговые сделки вилика были, по-видимому, делом обычным и по естественности своей неистребимым. Они представляли для вилика-стяжателя соблазн величайший. В руках вилика всегда находились и неизбежно должны были находиться хозяйские деньги. Хозяин далеко не всегда мог сам производить такие крупные хозяйственные операции, как, например, сдачу подряда на съемку маслин или на какие-нибудь постройки. Деньги с аукциона, на котором происходила распродажа ненужных в хозяйстве предметов (*Sato*, 2, 7), попадали нередко прямо в руки вилика. Ему надлежало, по мысли хозяина, немедленно положить их в хозяйский сундук, дабы в любую минуту хозяин мог распорядиться ими по своему желанию. До этой минуты, однако, почему бы им не принести дохода вилику? Он мог пустить их в оборот не хуже хозяина. Путь для этого было, вероятно, несколько: Колумелла говорит о покупке скота и других предметов, но их не перечисляет; самым обычным, видимо, и наиболее безопасным способом использовать хозяйские деньги было барышничанье скотом. Приобрести две-три головы для хорошего хозяйства никогда не лишнее, и «когда дело доходит до отчета, — пишет Колумелла, рисовавший, видимо, с натуры, — хозяину вместо денег показывают то, что куплено» (ук. место). «Показывать» приходилось, разумеется, только в крайнем случае, когда не было никакой возможности объяснить, куда делись деньги. Если хозяин не появился вдруг и неожиданно, то все шло по-иному (недаром же Катон требовал от вилика: «пусть он ничего не утаивает от хозяина»): вилик покупал, перепродавал, клал себе разницу в карман и водворял на место хозяйский капитал еще до приезда хозяина, который выслушивал отчет, получал свои деньги, до асса сходившиеся со всеми записями, и не подозревал, сколько нажил на этих деньгах его управляющий. Торговые обороты вилика, и стоявшая в связи, между прочим, и с этими оборотами подделка счетов, заставили Корнелия Цельса предпочитать в качестве вилика человека неграмотного (*Col.*, I, 8, 4).

Кроме торговли и барышничества был у вилика еще один источник дохода: он мог давать в долг. Вряд ли одалживал он хозяйские деньги:

это было слишком рискованно, и наши источники вовсе не упоминают подобных операций, но давать в долг такие вещи как зерно, масло, вино, разрешал сам Катон, требовавший, однако, чтобы вилик знался только с двумя-тремя хуторами, «где он может попросить, что надобно, и кому сам может давать в долг» (5,3). Это стремление ограничить круг знакомств вилика и его сношений с внешним миром имело основанием своим, как вообще все советы Катона, большой житейский опыт. Хозяин не только ставил препятствие склонности вилика к длительным прогулкам, но и получал возможность сразу же проверить, верны ли показания его управляющего относительно отданных в долг семян или вина. Раздвинуть, однако, границы, очерченные господином, было не так уже трудно, даже при таком строгом хозяине, как Катон: как было отказать и четвертому и пятому хутору, владельцы которых были людьми влиятельными и нужными? Практический хозяин прекрасно ведь понимал всю выгоду доброго расположения к себе всей округи: *si te vicinitas libenter videbit...* Для вилика же эта узаконенная раздача в долг могла иногда становиться весьма доходной статьей. Представим себе такой случай, вероятно далеко не редкий в рабовладельческом хозяйстве, когда в усадьбе, соседней с той, где хозяйничает наш вилик-стяжатель, количество масла или вина в погребе катастрофически не соответствует и записям и хозяйским расчетам. Бедняге-вилику, чтобы извернуться и оправдаться перед неожиданно нагрянувшим хозяином, только и оставалось, что кинуться с просьбой «одолжи» на соседний хутор. Стяжатель не отказывал в услуге, но за услугу обычно платили: обе договаривающиеся стороны это прекрасно знали, и нашему вилику некая толика перепадала. Он не пренебрегал самыми мелкими доходами. «Пусть вилик не обкрадывает ниву» (т. е. не кладет при посеве семян меньше, чем требуется), предписывает Катон (5, 4). На югер брали обычно пять модиев пшеницы; вилик отпускал четыре и выгадывал таким образом для себя какие-то три сестерции. Если, однако, в хозяйстве засевали 25—30 югеров хлеба, то сбережения вилика по одной этой статье начинали приближаться к сотне. А разве нельзя было сговориться с подрядчиком, заключившим условие на съемку маслин в хозяйском маслиннике или на выделку оливкового масла? Катон понимал, что делает, когда приставлял следить за подрядчиком не вилика, а особого надзирателя «стража» (*custos* — 144,1; 145,1). Не всегда, однако, мера эта обеспечивала желательный результат: количество строжайших предписаний, которыми хозяин опутывал своего подрядчика¹, заставляет думать, что и этот последний и члены его артели были далеко не прочь прибавить к своим законным доходам еще и незаконные. Путей здесь имелось два: можно было исхитриться и действовать тайком от «стража» и вилика, но гораздо удобнее и спокойнее было сговориться с обоими к обоюдному удовольствию одной и другой стороны. От вилика требовалось только, чтобы он смотрел в другую сторону — усилие ничтожное, а между тем приносящее свои плоды. Вилик был тем более вправе его сделать, что прямой надзор за съемщиком был поручен не ему, а в обход его: «стражу».

Надо признать, что вилик-стяжатель принадлежал в рабской среде к числу избранных. Он уберег в себе человеческое достоинство настолько, чтобы не наслаждаться бессмысленной жестокостью, и не испытывал зудящей страсти лечить свои раны страданиями других; он оставался

¹ «Пусть не срывает и не сбивает маслин без приказания хозяина или „стража“; пусть все сборщики поклонятся, что они не крали маслин; нельзя выносить из имения ни дров, ни маслин; кто вынесет, за каждый раз вычитается с него по две сестерции» (144, 1—4). Маслоделу предписывалось: «Не бери масла для употребления и не кради его» (145,2).

глух к призывам грубой чувственности; он сумел закрыть глаза на все мелкие соблазны повседневной жизни и знать одну единственную достойную цель: сбросить с себя рабское иго. Все операции его, которые он проделывал за спиной хозяина и вопреки его воле, требовали незаурядных качеств: тут нужны были и ум, и сметливость, и находчивость, и предприимчивость. Из всех виликов он, надо думать, вел хозяйство наилучшим образом: в его выгодах было угождать хозяину и ладить с рабами: дипломатическими способностями он не был обижен и в большой степени обладал «умением распоряжаться» (*imperandi scientiam*), которое так высоко ценил Колумелла (XI, 1, 6). У него было достаточно веских причин, чтобы дорожить своим местом, и совершенно отсутствовало легкомыслие гуляки, весело продававшего богатые перспективы своего положения за короткий промежуток легкой жизни. Ему выгодно было не раздражать рабов и заботиться о них, но нужно было и заставить их работать, и он умел это делать, не вызывая в них недовольства и раздражения. Хозяину вилик-стяжатель умел показать товар лицом и, обкрадывая, не зарывался и не терял чувства меры. Хозяйство при нем, по крайней мере с виду, не разваливалось, рабы не жаловались и не разбежались, и не только беспечный и ничего не понимающий в деревенском деле владелец, но и опытный, зоркий хозяин, вынужденный силой жизненных обстоятельств большую часть времени проводить где-то вдали от своего имения, терпел своего плутоватого вилика: «найди-ка лучше его!». А стяжатель тем временем сколачивал деньги и начинал подумывать о том, чтобы выкупиться на свободу.

Надо иметь в виду, конечно, что приведенные характеристики страдают большой долей схематизма: в действительной жизни редко встречались такие резкие очертания и такие чистые типы. Гуляка подделывал счета, вероятно, еще чаще, чем стяжатель; тиран не только истязал рабов, но и заботился о том, чтобы они были сыты и одеты, стяжатель не всегда способен был устоять перед искушением урвать кусочек от рабского пайка. «Серая теория» и «золотое древо жизни» всегда разделены пропастью, но подобно тому, как легкую игру мускулов в полной мере может оценить только анатом, изучивший строение этих мускулов и неоднократно их препарировавший, так и жизнь прошлого, может быть, будет лучше и живее воспринята путем знакомства с такими, если можно так выразиться, «социологическими препаратами».

Перебрав разные типы вилика, мы должны будем признать, что ни один из них не был добросовестным и по-настоящему хорошим управляющим. Такого мнения держался и Катон, у которого все предписания, касающиеся вилика, проникнуты глубоким убеждением в том, что он плут и что дело хозяина окружить его такими рогатками, при помощи которых, может быть, и удастся поставить некоторые границы его плутням. Если хозяйский глаз не надзирает ежечасно за виликом, то ожидать от такого хозяйничанья блестящих результатов было нечего. Мы знаем, что их и не было: подкапываемое изнутри рабами, — каждым на свой лад, — рабовладельческое хозяйство постепенно, но неуклонно падало: в этом убеждают нас и работа Колумеллы, и отрывки из Цельса, которые он приводит в этой работе, и письма Плиния Младшего, и отрывочные замечания, рассеянные в «Естественной истории» его дяди, и императорские распоряжения. Встречались, конечно, среди виликов честные и верные люди, но не они давали тон и не они составляли большинство.

Вилики являются единственными представителями *familia rustica*, о которых упоминают надписи. Надписи эти рассеяны по всему римскому миру. Чаще всего это краткие и простые эпитафии, сделанные на могилах людей, близких вилику. Феликс, «вилик из имения Фавилленианова»

ставит плиту Невии Плекусе «супруге наилучшей» (CIL, IX, 3651); Терций, вилик и раб Гнея Катула Аттика — своей сестре Терции, прожившей только 25 лет (CIL, III, 337); «вилик Антипатр жене Лесбии, жившей 23 года, и дочери, прожившей девять месяцев» (CIL, IX, 820); «вилик Гоноратий и Аветония Венерия, супруги, при жизни соорудили себе памятник» (III, 5622). Иногда вилику ставят памятник его близкие, пережившие его: «Фирму, вилику консула Л. Вария Амбибула, поставила памятник дочь его Вария Фирма» (IX, 3056); «Дафину, вилику Вибулены Квартиллы и Апонии Тертуллы, товарищу по рабству, по заслугам его, Арескуса, его жена» (IX, 3446). В некоторых надписях с гордостью упоминается, что плита сделана «на свои деньги» (IX, 320; X, 25).

Иногда вилик располагает такими средствами, что может, например, «о здравии Фульвиев» обновить статую Геркулеса и поправить здание его храма (V, 5558); вилик Азеллион делает приношение «Юпитеру величайшему и всем богам и богиням о здравии М. Аврелия Луциллиана» (V, 5500); вилик Теллий Ценсорин ставит круглый алтарь «в дар Ларам перекрестка» (V, 7739); Фест, вилик Катия Фронтон, консула 96 г. н. э., ставит посвящение «отцу Либеру» (IX, 3571); вилик Филаргир «поставил на свои средства часовенку ларам» (IX, 4053); вилик Диогнет — мраморную плиту «гению Цезарей» (X, 1561). Любопытна надпись, сделанная Епикадом, отпущенником К. Овиния, и Требией Афродизией, по-видимому его женой, в которой супруги сообщают, что они «хозяйничали (vilicarunt) здесь четырнадцать лет» — чтобы увековечить таким образом память о себе, надо было обладать не только средствами, но и чувством собственного достоинства и знать себе цену.

Особняком стоят надписи, которые ставили своим виликам благодарные хозяева¹. «Галликану вернейшему, который был виликом в Афинах (название имения)» (X, 7041); «Сабиниану вилику и хорошему вернейшему человеку, Меммия Юлия, его госпожа» (VI, 9989). Приска «женщина знатнейшая» ставит памятник своему вилику Дазиеру, еще при жизни его (III, 8350).

Чрезвычайно интересна плита (IX, 3028), поставленная «Гиппократу, вилику Плавта, сельскими рабами, которыми управлял он, памятуя меру власти (modeste)» — поведение Гиппократа было, видимо, столь необычно, что его подчиненные почтили его и плитой и надписью, объяснявшей, почему они эту плиту поставили, — случай, действительно, единственный и свидетельствующий, между прочим, и о том, с какой благодарностью отзывался раб на человеческое к себе отношение.

О какой-то большой трагедии, подробности которой нам не угадать, говорит надпись из Венафра (X, 4917): «Нарцисс, вилик Тита Титука Флориана и Гейи Галлы. Жил 25 лет. Свободу, которая принадлежала мне, юноше, по праву и в которой отказал мне закон, вернула мне на вечные времена преждевременная смерть».

Очень интересно было установить на основании имен, приведенных в надписях, национальность виликов. К сожалению, материал этот не настолько надежен, чтобы строить на нем точные выводы. Какой национальности, в самом деле, был Терций, «раб вилик Гнея Катилы Аттика» из Апамей? (III, 337), Гоноратий из Норика (III, 5540) и «Валентин, раб вилик» Целерина из какого-то имения в Далмации (III, 2130)? Галликон «вилик вернейший» из Сицилии (X, 6041) и ряд других с именами чисто латинскими? Италийцами они, конечно, не были. Дал ли им

¹ Насколько хозяин дорожил честным и верным виликом, можно судить по тому факту, о котором сообщает Цицерон: Веррес обвинил вилика одного «известного, честного и денежного человека» в том, что он причастен к заговору рабов. Хозяин, чтобы выкупить его из цепких лап претора, не пожалел 60 тысяч сестерций (in Verg. V, 7, 15).

хозяин новое имя или — что вернее — они были *vergae*, получили его уже с первых дней своей жизни и оно скрыло от нас навсегда их подлинное происхождение? Подавляющее преобладание греческих имен не дает права считать всех этих Эпафродитов, Диогнетов, Эротов и Памфилов настоящими греками: очень вероятно, что имена эти носят представители разных национальностей эллинизованного Востока, но может быть, среди них были и настоящие греки. Основываясь на этих именах, можно только сказать, что сельским хозяйством римского мира непосредственно управляют и непосредственно им ведают греки и уроженцы ближнего Востока. Чем обязан этим людям, их опыту и знаниям тот свод сельскохозяйственной практики, который уже в готовом и законченном виде изложен Колумеллой и Плинием? С чувством мучительного бессилия должны мы признать, что при наличии только тех источников, которые находятся в нашем распоряжении, дать ответ мы не можем.

